

ТАМИМ АНСАРИ

РАЗРУШЕННАЯ СУДЬБА

ИСТОРИЯ МИРА
ГЛАЗАМИ МУСУЛЬМАН

ключевые фигуры, события, идеи, легенды,
религиозные споры и поворотные моменты мировой истории

Тамим Ансари
Разрушенная судьба. История
мира глазами мусульман
Серия «Религии,
которые правят миром»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66334576

Разрушенная судьба. История мира глазами мусульман: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-158332-3

Аннотация

Тамим Ансари раскрывает перед нами мировую историю с новой точки зрения: в центре его внимания – эволюция мусульманского сообщества. Со времен пророка Мухаммада через череду великих империй к запутанным современным конфликтам – он представляет ключевые фигуры, события, идеи, легенды, религиозные споры и поворотные моменты мировой истории, рассказывая не только о том, что произошло, но и о том, как это понимают в исламском мире.

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	6
Имена и даты	24
Список карт	26
1. Срединный мир	28
Срединный мир до ислама	34
2. Хиджра	55
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Тамим Ансари
Разрушенная судьба.
История мира
глазами мусульман

Посвящается Амануддину и Тертипу

Tamim Ansary

DESTINY DISRUPTED: A History of the World Through
Islamic Eyes

© 2009 by Tamim Ansary. This edition published by
arrangement with PublicAffairs, an imprint of Perseus Books,
LLC, a subsidiary of Hachette Book Group Inc.,

New York, New York, USA. All rights reserved

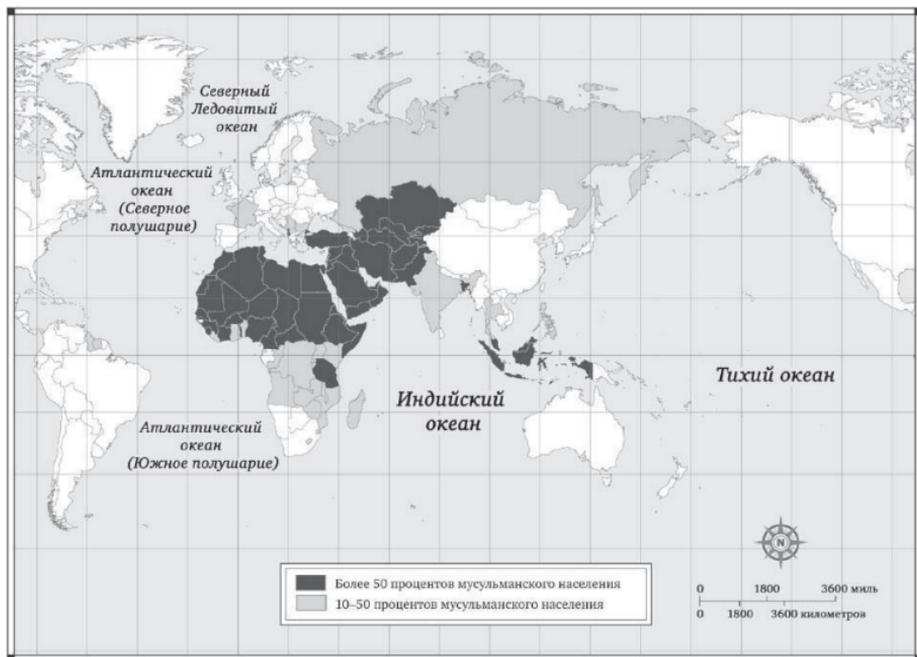
Это издание опубликовано по договоренности с
PublicAffairs, издательством Perseus Books, LLC, импринтом
Hachette Book Group Inc., Нью-Йорк, Нью-Йорк, США. Все
права защищены

Перевод с английского Наталии Холмогоровой
Под научной редакцией Тимофея Бокова

© Холмогорова, Н.Л., перевод, 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Исламский мир в наше время

Введение

Я вырос в мусульманском Афганистане и рано познакомился с историческим нарративом, сильно отличающимся от того, какой обычно слышат школьники Европы и Америки. Однако в то время он не сформировал мое мышление: в истории я искал развлечения, а на фарси, кроме скучных учебников, особенно почитать нечего. Все хорошие книги, доступные моему тогдашнему уровню, были написаны по-английски.

Моей первой любимицей стала необыкновенно увлекательная «Мировая история для детей», написанная автором по имени Верджил Морес Хиллиер. Только много лет спустя, перечитав эту книгу уже взрослым, я понял, насколько она шокирующе европоцентрична, как щедро сдобрена бытовым расизмом. Ребенком я ничего этого не замечал – видел лишь, что Хиллиер рассказывает мне интересную историю.

Когда мне было девять или десять, через наш городок Лашкаргах проезжал историк Арнольд Тойнби, и кто-то рассказал ему, что здесь живет маленький книжный червь – афганский мальчик, который очень любит историю. Тойнби заинтересовался и пригласил меня на чай; я сидел с румяным пожилым английским джентльменом и давал на его доброжелательные вопросы застенчивые односложные ответы. Единственное, что я запомнил об этом великом историке, была

его любопытная привычка держать носовой платок в рукаве.

На прощание Тойнби вручил мне подарок: «Историю человечества» Хендрика Виллема ван Лона. Меня поразило уже название – сама идея, что у «человечества» есть одна история на всех. Я ведь и сам – часть «человечества»: значит, это и моя история тоже – или, по крайней мере, я могу найти в этой общей истории свое место! Книгу я проглотил залпом и горячо полюбил, и с тех пор мое представление о мировой истории навсегда обрело западные очертания. Все исторические сочинения и романы, которые я читал после этого, только наращивали мясо на этот скелет. Я продолжал изучать педантичные исторические тексты на фарси, которые нам задавали в школе, но только для того, чтобы сдать экзамены и тут же о них забыть.

Однако, должно быть, слабые отголоски других нарративов застряли у меня в сознании, ибо сорок лет спустя, осенью 2000 года, когда я работал в США редактором учебной литературы, они всплыли на поверхность. Техасский издатель учебников нанял меня, чтобы создать с нуля новый учебник мировой истории для старшеклассников, и первой моей задачей стало составить его примерное содержание – иначе говоря, сформулировать свое мнение об общем ходе истории человечества. Заранее мне была дана лишь структура книги. Чтобы она совпадала с ритмом учебного года, издатель предложил разделить книгу на десять разделов по три главы в каждом.

Итак, на какие же десять (или тридцать) частей разбить историческое время? Мировая история – это, в конце концов, не хронологический список всех происшествий, когда-либо случившихся на свете: это цепь, состоящая из важнейших и взаимосвязанных друг с другом событий – а какие события наиболее важны и как именно они друг с другом связаны, решает историк.

Я с удовольствием погрузился в эту интеллектуальную задачу, однако моим решениям пришлось проходить через целый легион экспертов: специалистов по учебному процессу, преподавателей истории, менеджеров по продажам, госчиновников в сфере образования, профессиональных ученых и других подобных специалистов. При создании учебников, как для начальной, так и для старшей школы, это обычный процесс – и, полагаю, вполне уместный, поскольку цель учебника в том, чтобы передавать принятые сейчас в обществе представления об истине, а не в том, чтобы бросать им вызов. Хор советников, страхующих автора учебника, заботится о том, чтобы конечный продукт отвечал задачам преподавания – без этого книгу будет невозможно продать.

Однако, проходя через этот процесс, я заметил любопытное разногласие между собой и своими советниками. Мы соглашались друг с другом почти во всем, кроме одного: я всё старался уделить в мировой истории больше места исламу – а они старались ислам приглушить, отодвинуть на задний план, затолкать во врезки в главах, посвященных другим во-

просам. Никто из нас не действовал исходя из узкой лояльности «своей цивилизации». Никто не говорил, что ислам лучше или хуже «Запада». Все мы просто выражали собственное представление о важнейших событиях в истории человечества.

Моя позиция была столь мало распространена, что практически неотличима от ошибки; кончилось тем, что в окончательном списке глав исламу досталась лишь одна глава из тридцати. Другие две в этом разделе назывались «Доколумбовы цивилизации Америки» и «Древние империи Африки».

И даже это оказалось сравнительно много! В программе по мировой истории предыдущего цикла учебников, «Взгляд в прошлое» 1997 года, ислам занимал одну главу из тридцати семи, причем половина этой главы (в разделе «Средние века») была отдана Византийской империи.

Короче говоря, менее чем за год до 11 сентября 2001 года общее мнение экспертов гласило, что ислам – относительно незначительный феномен, чье влияние окончилось задолго до Ренессанса. Исходя из списка глав в нашем учебнике, невозможно было даже догадаться, что ислам когда-то существовал.

В то время я признавал, что мое суждение может быть субъективно и искажено. В конце концов, ислам оставался важной частью моей собственной идентичности. Я вырос не только в мусульманской стране, но и в семье, когда-то за-

нимавшей в Афганистане высокое положение, основанное именно на репутации людей ученых и благочестивых. Наша фамилия указывает на происхождение от ансаров – «помощников», первых новообращенных мусульман Медины, которые помогли пророку Мухаммеду избежать убийства в Мекке и, таким образом, обеспечили выживание его миссии.

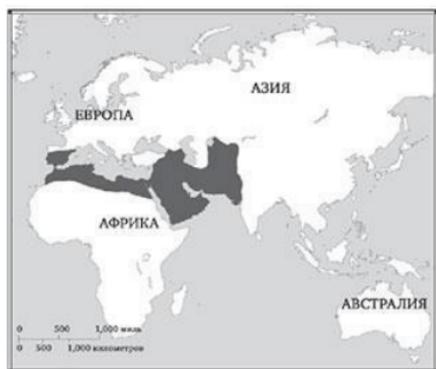
В более близкие к нам времена прадед моего деда был уважаемым мусульманским мистиком; гробница его и по сей день остается святыней для сотен его почитателей. Наследие его дожило до времен моего отца, внушив нашему роду общее ощущение, что мы должны разбираться в исламе лучше обычных людей. Я рос под звуки мусульманских рассуждений, комментариев, притч – и многие из них запоминал, хотя со временем и оказался человеком совершенно светского склада.

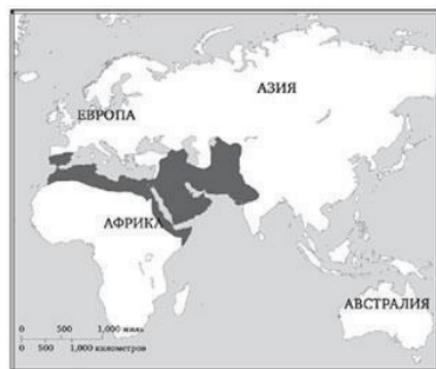
около 632 года

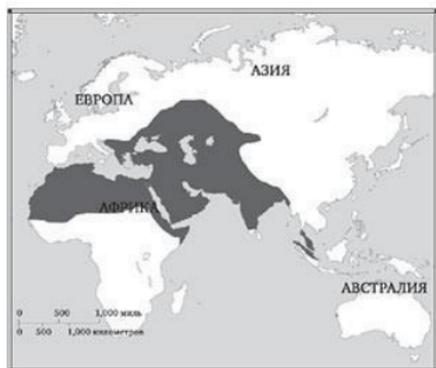
около 650 года

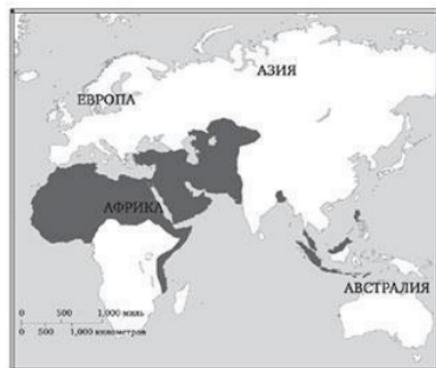
около 750 года

около 1150 года

около 1550 года

Наше время

Распространение ислама

Вполне светским человеком я оставался и после переезда в Соединенные Штаты, однако там неожиданно заинтересовался исламом сильнее, чем пока жил в мусульманском мире. Интерес мой углубился в 1979 году, когда мой брат принял «фундаменталистский» ислам. Я погрузился в философию ислама, начал читать таких авторов, как Фазлур Рахман и Сейид Хоссейн Наср, а также исторические сочинения таких ученых, как Густав Эдмунд фон Грюнебаум и Альберт Хурани, стремясь понять, откуда мы с братом пришли и куда он направляется.

Что касается моих личных предубеждений – я готов был признать, что, быть может, переоцениваю ислам. И всё же... не утихало сомнение. Неужели моя оценка была полностью лишена объективных оснований? Взглянем на эти шесть карт – «снимков» исламского мира на шести этапах его существования.

Говоря об «исламском мире», я имею в виду страны с мусульманским большинством населения и/или мусульманскими правителями. Разумеется, мусульмане есть и в Англии, и во Франции, и в Соединенных Штатах, и почти везде на планете, однако, исходя из этого определения, называть Лондон, Париж или Нью-Йорк частью мусульманского мира было бы неверно. И всё же, даже согласно этому ограниченному определению, разве «исламский мир» не занимал на протяжении

многих столетий очень значительные территории? Разве и сегодня он не занимает значительную часть Азии и Африки, не создает огромный «буфер» между Европой и Восточной Азией? Физически он занимает больше пространства, чем Европа и США, вместе взятые. В прошлом он был политически един, и воспоминания о его единстве важны для некоторых мусульман и сейчас. Глядя на эти шесть карт, я отказываюсь понимать, каким образом накануне Одиннадцатого Сентября людям удавалось не замечать, что ислам был и остается крупным игроком на поле мировой истории!

После Одиннадцатого Сентября восприятие изменилось. Немусульмане на Западе начали спрашивать, что такое ислам, кто все эти люди, что вообще там происходит. Эти же вопросы с новой силой и неотступностью встали и передо мной. В тот год, впервые за тридцать восемь лет побывав в Пакистане и в Афганистане, я взял с собой книгу, обнаруженную в лондонском букинистическом магазине – «Ислам в современной истории» покойного Уилфреда Кантуэлла Смита, профессора религиоведения в Университете Макгилла и Гарвардском университете. Смит выпустил свою книгу в 1957 году, так что «современная история», о которой он писал, закончилась больше сорока лет назад; и всё же его анализ поразил, даже встревожил меня тем, что безупречно подходил и к истории, разворачивавшейся на моих глазах в 2002-м.

Книга Смита пролила новый свет на информацию, извест-

ную мне с детства и из последующего чтения. Например, в школьные дни в Кабуле я прекрасно знал о существовании человека по имени Джамалуддин аль-Афгани¹. Как и «все вокруг», я знал, что это важнейшая фигура в истории современного ислама, однако, честно говоря, никогда не задумывался о том, чем он заслужил этот титул, помимо того, что исповедовал «панисламизм» – что для меня звучало как какой-то сомнительный мусульманский шовинизм. Теперь, читая Смита, я понял, что основные положения «исламизма», политической идеологии, наделавшей такого шума в 2001 году, были отчеканены столетие назад этим интеллектуальным «Карлом Марксом» исламизма. Почему же даже само его имя большинству немусульман неизвестно?

Я снова нырнул в историю ислама, на этот раз не в поисках личной идентичности, но стремясь понять тревожные тенденции современного мне мусульманства: ужасные истории, происходящие в Афганистане, беспорядки в Иране, восстания в Алжире, на Филиппинах и в других местах, терроризм и шахидизм на Ближнем Востоке, всё бóльшую радикализацию политического ислама и, наконец, появление Талибана². Разумеется, думал я, внимательный взгляд на историю поможет мне понять, как дело дошло до таких ужасов.

---

¹ Другой вариант русской записи имени – Джамаль ад-Дин аль-Афгани. – *Прим. ред. русского перевода.*

² В Российской Федерации движение «Талибан» признано террористическим, его деятельность на территории Российской Федерации запрещена. – *Прим. ред. русского перевода.*

И постепенно я начал понимать, как это случилось. Я начал понимать, что, в отличие от истории Франции, Мальты или Южной Америки, история исламских стран «где-то там, на Востоке» не представляет собой подраздел некоей единой мировой истории, общей для всех. Скорее, это целая альтернативная мировая история, сразу и отражающая ту, которую я пытался написать для техасского издателя (или историю, опубликованную издательством «Макдугал-Литтелл», для которой я писал «исламские главы»), и с ней соперничающая.

Эти две истории начались в одном и том же месте: между реками Тигр и Евфрат в древнем Ираке – и снова сошлись в одном месте, в глобальной борьбе, основными игроками в которой выступают исламский мир и Запад. Но между началом и концом они двигались разными – и всё же странно параллельными – путями.

Да, странно параллельными. Например, оглядываясь назад в контексте «западной» мировой истории, мы видим в древности великую империю, затмевающую собой все прочее: это Рим, родина мечты о едином вселенском государстве.

Оглядываясь назад из любой точки исламской истории, мы тоже видим единственную империю, воплощающую в себе мечту об универсальном государстве; но это не Рим. Это халифат раннего ислама.

В обеих историях великая древняя империя распадается

под собственной тяжестью. Затем на рушащуюся империю нападают варвары-кочевники с севера: но в исламском мире «север» – это степи Центральной Азии, и варварами-кочевниками в этом мире оказываются не германцы, а турки. Но в обоих мирах захватчики расчлениют большое государство на лоскутное одеяло мелких монархических государств, объединенных единой правой верой: католицизмом на Западе, суннитским исламом на Востоке.

Мировая история – это всегда история о том, как «мы» добрались до своего нынешнего «здесь и сейчас»; так что структура и облик повествования неизбежно зависит от того, кого мы понимаем под «нами» и что понимаем под «здесь и сейчас». Западная мировая история традиционно предполагает, что «здесь и сейчас» – это демократическая индустриальная (или постиндустриальная) цивилизация. В США это убеждение совершает и следующий шаг: вся мировая история движется к рождению фундаментальных идеалов свободы и равенства и, как следствие, к возникновению супердержавы, ведущей планету в светлое будущее, построенное на этих принципах. Таким образом, предполагается, что у истории есть направление и, по-видимому, конец – где-то по ходу дороги, по которой мы идем сейчас. Еще один вывод, более сомнительный – что в том же направлении идут все народы, хотя и с разной скоростью: кто-то поздно начал, кто-то движется слишком медленно, почему мы и называем их «развивающимися странами».

Когда идеальное будущее, представляемое как постиндустриальное западное демократическое общество, принимается за конечную точку истории, нарратив, ведущий к нашему «здесь и сейчас», включает в себя примерно следующие ступени:

1. Рождение цивилизации (Египет и Междуречье).
2. Классическая эпоха (Греция и Рим).
3. Темные века (возникновение и распространение христианства).
4. Возрождение: Ренессанс и Реформация.
5. Просвещение (развитие естественных наук).
6. Революции (демократические, индустриальная, технологическая).
7. Возникновение национальных государств; борьба за империю.
8. Первая и Вторая мировые войны.
9. Холодная война.
10. Победа демократического капитализма.

Но что если взглянуть на мировую историю глазами мусульман? Готовы ли мы смотреть на себя как на «испорченную» версию Запада, идущую тем же путем, только медленнее и не так эффективно? Едва ли. Для начала, у нас иной порог, разделяющий историю на «до» и «после»: нулевой год для нас – это год переезда Пророка Мухаммеда из Мекки

в Медину, его Хиджры, создавшей мусульманскую общину. Именно эта община воплощает для нас понятие «цивилизации», а импульс, придающий нашей истории цель и направление, состоит в том, чтобы совершенствовать этот идеал.

Однако в последние столетия мы, быть может, начали ощущать, что что-то пошло не так. Мы видели, что община перестала расти, в ней появились внутренние нестроения, соперничающие друг с другом встречные потоки. Иное историческое направление явно побеждает. Как наследники мусульманской традиции, мы принуждены искать значение истории уже не в победе, а в поражении. Нас раздирают два противоположных импульса: изменить свое представление о «цивилизации», чтобы влиться в поток мировой истории – или бороться с ходом истории, стремясь вернуть его к нашему понятию «цивилизации».

Если печальное настоящее, переживаемое исламским обществом, принять за «здесь и сейчас», которое должен объяснить нам ход мировой истории, то нашу историю придется разбить примерно на такие стадии:

1. Древние времена: Междуречье и Персия.
2. Рождение ислама.
3. Халифат: поиск универсального единства.
4. Раскол: век султанатов.
5. Катастрофа: крестоносцы и монголы.
6. Возрождение: эпоха трех империй.

7. Проникновение Запада на Восток.
8. Реформистские движения.
9. Триумф светских модернистов.
10. Исламистская реакция.

Эдвард Саид писал о том, что на протяжении столетий Запад конструировал «ориенталистскую» фантазию об исламском мире, в которой ощущение чуждой и враждебной «инаковости» смешивалось с мечтами о богатстве и порочных наслаждениях. Верно, в той степени, в которой сознание западного человека вообще уделяет какое-то место исламу – пожалуй, его описывают так.

Но куда более интригует меня почти полное отсутствие любых, даже таких описаний. Например, в дни Шекспира величайшими мировыми державами были три исламские империи. И где в шекспировских пьесах все эти мусульмане? Их нет. Если не знать, что мавры были мусульманами, мы не разглядим их даже в «Отелло».

Два огромных мира сосуществуют бок о бок; не странно ли, как мало они замечают друг друга? Будь западный мир и исламский мир людьми, мы увидели бы в этом симптомы подавления. Мы спросили бы: «Что между ними произошло? Быть может, они когда-то были любовниками? И у них какая-то тяжелая общая история, о которой оба стараются забыть?»

Однако, думаю, есть другое, не столь сенсационное объ-

яснение. На протяжении большей части истории Запад и ядро нынешнего исламского мира существовали, как две отдельные вселенные: каждая была занята своими внутренними делами, каждая считала себя центром человеческой истории, каждая жила в своем нарративе – вплоть до конца XVII века, когда эти нарративы начали пересекаться. Поскольку эти нарративы противоречили друг другу, кто-то должен был уступить. Западный нарратив оказался более мощным, его течение возобладало и начало подрывать исламский нарратив изнутри.

Однако побежденная история не закончилась. Она продолжала течь под поверхностью, словно подземная река – и течет там по сей день. Нанося на карту современные горячие точки – Кашмир, Иран, Чечню, Балканы, Израиль и Палестину, Ирак – мы обозначаем границы некоего единства, которое давно исчезло с карты мира, но все еще бьется и рвется в попытках выжить.

Эту историю я и хочу рассказать на страницах своей книги. Подчеркну слово «историю». «Разрушенная судьба» – не учебник и не научная работа. Скорее, это то, что я мог бы вам ответить, если бы мы встретились где-нибудь в кофейне, и вы бы спросили: «А что значит “параллельные мировые истории”?» Аргументацию, приведенную мною здесь, можно найти во множестве книг, стоящих на полках университетских библиотек. Если академический язык и сноски вас не пугают – читайте их. А если хотите услышать интересную ис-

торию – читайте мою книгу. Сам я – не ученый, но использовал труд ученых, которые просеивали необработанный исторический материал, чтобы прийти к определенным заключениям, и философов истории, которые, в свою очередь, просеивали работу исследователей, чтобы прийти к метавыводам.

В сюжете, охватывающем несколько тысяч лет, я, как может показаться, уделяю слишком большое внимание краткому периоду в какие-нибудь полвека: однако на этом периоде я задерживаюсь, поскольку он охватывает жизненный путь Пророка Мухаммеда и первых четырех его преемников – основополагающий нарратив ислама. Эту историю я пересказываю как волнующую человеческую драму, поскольку именно такой знают ее мусульмане. Ученые оценивают эту историю более скептически, предпочитают немусульманские источники якобы не столь объективным мусульманским, поскольку главную свою задачу видят в том, чтобы докопаться до «реальных событий». Моя же главная цель – показать то, во что верят мусульмане, что мотивировало их на протяжении столетий, что и по сей день делает различимой их роль в мировой истории.

Впрочем, сделаю здесь одну оговорку касательно происхождения ислама. В отличие от более древних религий – иудаизма, буддизма, индуизма, даже христианства – мусульмане начали собирать, запоминать, пересказывать и сохранять свою историю сразу, как только она происходила; и не

просто сохраняли, но и снабжали каждый рассказ цепочкой источников, перечисляли свидетелей каждого события и составляли список всех, кто передавал рассказ о нем из уст в уста, вплоть до человека, который первым его записал. Эти ссылки на источники призваны были подтвердить достоверность рассказанного так же надежно, как подтверждаются свидетельские показания в суде.

Означает это лишь то, что ключевые для мусульман истории не следует воспринимать как притчи. Слыша притчу, мы не просим доказательств, что изложенные в ней события действительно имели место: ее смысл не в этом. Нам неважно, правдива ли история – важно, чтобы верен был заключенный в ней урок. Мусульманские истории не заключают в себе такого рода уроков: это не рассказы об идеальных людях в идеальном мире.

При этом я не отрицаю, что мусульманские истории бывают аллегорическими, что некоторые из них вымышлены, или того, что многие или даже все из них со временем подвергались изменениям, дабы лучше отвечать целям рассказчика или момента. Я говорю лишь, что мусульмане передают свой основополагающий нарратив так же, как передаются исторические события, и мы знаем об этих людях и событиях примерно столько же и примерно таким же образом, как знаем о том, что произошло между Суллой и Марием в Древнем Риме. Эти рассказы лежат где-то между историей и мифом; пытаться пересказывать их, лишив человечности и

драматичности, значит фальсифицировать то значение, что имеют они для мусульман, и затемнять смысл того, что совершали в течение столетий сами мусульмане.

Вот так я хочу рассказать свою историю. А теперь, если вы со мной – пристегнитесь, и поехали!

Имена и даты

Некоторые авторы скрупулезно относятся к системе транслитерации связанных с исламом слов, имен и названий на английский язык, настаивая на правильности той или иной системы. Должен признаться, я к ним не отношусь. Сам я видел написание собственной фамилии по-английски столькими разными способами, что не мне быть придирчивым. (Меня часто спрашивают, как правильно пишется моя фамилия – какая буква в конце, *i* или *y*? Ни то, ни другое: в конце стоит буква *uaw*.) Учитывая произвольный характер транслитерации, в этой книге я стремился выбирать самые простые написания и самые понятные сокращения.

Кроме того, многие арабские имена включают в себя целые серии патронимов, вводимых частицей «ибн», то есть «сын такого-то». Как правило, я использую самую короткую форму имени, под которой человек наиболее известен. Изобилие незнакомых имен и названий (а также просто слов) в этой книге станет вызовом для многих англоязычных читателей: я хочу минимизировать подобные трудности, так что, если в английском существует известная форма какого-либо слова или имени, использую ее. Кроме того, следуя примеру Альберта Хурани в его «Истории арабских народов», я использую артикль «аль» в арабских именах, когда употребляю имя в первый раз, но далее его опускаю: в первый раз «аль-

Газали», но в дальнейшем «Газали».

Что касается дат, к описанным событиям применяются два календаря: исламский – и так называемая система датировок «нашей эры», восходящая к христианскому календарю. Говоря о первых десятилетиях после рождения мусульманской общины, я, как правило, использую исламские даты (они помечены «п. Х.», то есть «после Хиджры»). Я поступаю так, потому что считаю нужным показать, сколько лет прошло в этот ранний период со времени ключевых событий ислама. Позднее я перехожу к «нашей эре», поскольку это летоисчисление знакомо и понятно большинству читателей – а какой смысл давать даты, если они не показывают события в контексте и не ставят их во взаимосвязь с другими событиями?

Список карт

1. Исламский мир в наше время
2. Распространение ислама
3. Мир Средиземноморья (определяемый морскими путями)
4. Срединный Мир (определяемый сухопутными путями)
5. Накануне ислама: Византийская империя и империя Сасанидов
6. Путь имама Хусейна в Кербелу
7. Империя Омейядов
8. Абу Муслим и Аббасидская революция
9. Три Халифата
10. Империя Сельджуков: тюркское вторжение в исламский мир
11. Театр Крестовых походов
12. Монгольские вторжения в исламский мир
13. Константинополь: самый неприступный город мира
14. Три исламские империи XVII века
15. Европейский поиск морского пути в Индию
16. Империализм Запада: глобальная борьба за господство на море
17. «Большая Игра»
18. Первая мировая война и Арабское восстание
19. Соглашение Сайкса – Пико

20. Раздел арабского мира: план мандатов

21. Израиль и Палестина

1. Срединный мир

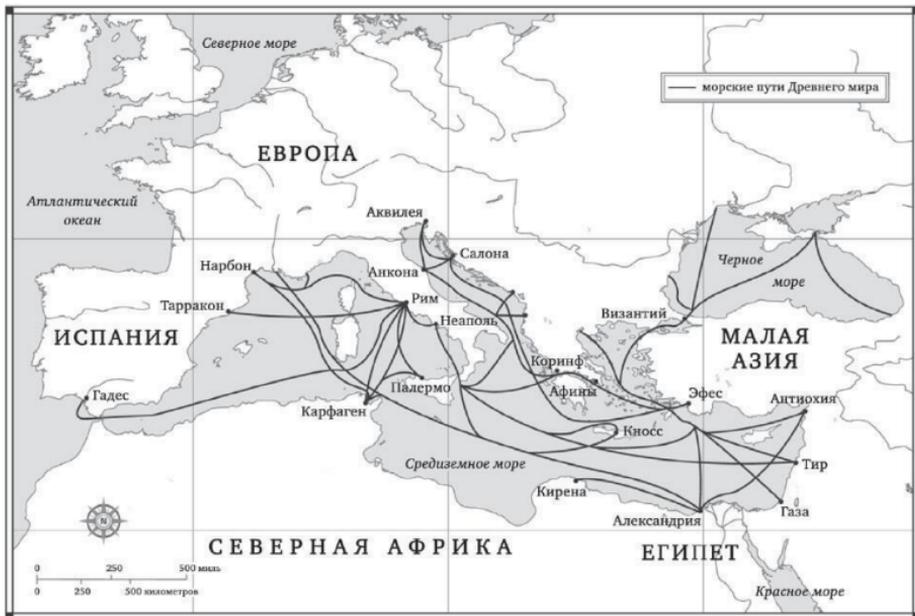
Задолго до рождения ислама между Атлантическим океаном и Бенгальским заливом сформировались два мира. Каждый образовал вокруг себя целую сеть торговых путей: один – в основном морских, другой – в основном сухопутных.

Если взглянуть на морские пути древности, очевидным центром мировой истории предстанет Средиземноморье: ведь именно там встречались и смешивались друг с другом Микенская, Критская, Финикийская, Лидийская, Греческая, Римская и множество иных мощных древних культур. Люди, жившие вблизи Средиземного моря, с легкостью могли и услышать обо всех остальных живущих вблизи Средиземного моря, и с ними встретиться: так это великое море само стало организующей силой, вовлекающей разные народы в нарративы друг друга и сплетающей их судьбы в единую судьбу – зародыш мировой истории, из которого вышло то, что мы именуем «западной цивилизацией».

Но если взглянуть на древние пути, проложенные по суше, Великим Центральным Вокзалом мира окажется перекресток путей и дорог, связывающих воедино Индийский субконтинент, Центральную Азию, Иранское нагорье, Междуречье и Египет, дорог, проходящих по территории, окруженной реками и морями: Персидским заливом, реками Инд и Амударья, Аральским, Каспийским и Черным морями, Сре-

диземным морем, Красным морем и Нилом. Эта территория со временем и стала Исламским миром.

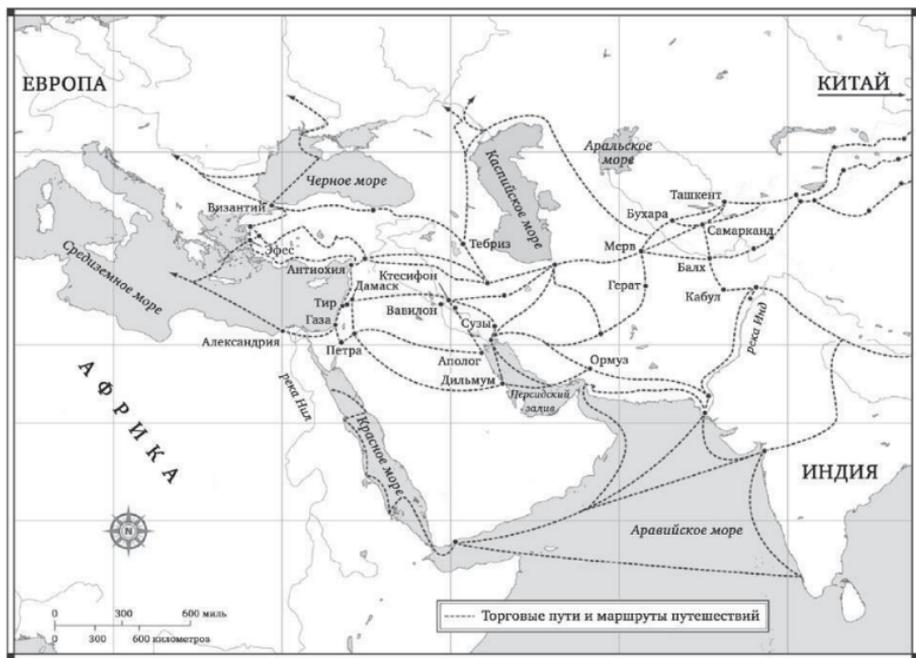
К сожалению, современный язык не предлагает для этой второй территории единого названия. Часть ее, как правило, именуется Ближним Востоком; однако, поскольку остальные остаются безымянными, такое именование нарушает связность целого, а кроме того, выражение «Ближний Восток» предполагает, что говорящий находится в Западной Европе – если вы находитесь, например, на Иранском нагорье, так называемый «Ближний Восток» окажется для вас «Ближним Западом». Вот почему я предпочитаю называть всю территорию от Инда до Стамбула Срединным Миром – тем, что лежит между миром Средиземноморья и миром Китая.

Мир Средиземноморья (определяемый морскими путями)

Китайский мир – это, разумеется, отдельная вселенная, имеющая мало общего с двумя другими: исходя даже из одного ее географического положения, ничего иного и ожидать нельзя. От мира Средиземноморья Китай был отрезан огромным расстоянием, а от Срединного мира – Гималаями, пустыней Гоби и джунглями юго-восточной Азии: барьер почти непроходимый, объясняющий, почему Китай, его спутники и соперники редко появляются на страницах «мировой истории», сосредоточенной на Срединном мире, и почему им почти не отведено места в этой книге. То же верно для

Африки южнее Сахары, отрезанной от остальной Евразии величайшей в мире пустыней. По этой же причине обе Америки представляют собой еще одну вселенную с собственной мировой историей: исходя из географии, это еще более естественно.

Срединный Мир (определяемый сухопутными путями)

Однако география не разделила Средиземноморский и Срединный миры так же решительно, как отрезала от них Китай или Америку. Эти два региона существовали как отдельные миры, поскольку представляли собой то, что ис-

торик Филип Дермонд Кертин назвал «интеркоммуникационными зонами»: в каждом из них внутренние связи были сильнее, чем связи друг с другом. Из любой точки Средиземноморья добраться в любую другую точку Средиземноморья было намного проще, чем в Персеполь или на берег Инда. Точно так же и караваны пересекали равнины и горы Среднего мира во всех направлениях, благо дорог и перекрестков здесь хватало. Но стоило им отправиться на запад, например, в Малую Азию (в ту страну, что мы сейчас зовем Турцией) – сами очертания земли заставляли их протискиваться сквозь самое узкое в мире бутылочное горлышко, по мосту (если в те времена там был мост) через Босфор. В результате передвижение по суше текло тоненькой струйкой, а караванам приходилось разворачиваться и идти либо обратно в Средний мир, либо по средиземноморскому побережью на юг.

Вместе с торговцами, путешественниками и завоевателями перетекали с места на место слухи, сплетни, истории, шутки, исторические впечатления, религиозные мифы, товары и другие культурные продукты. Торговые пути функционировали как капилляры, переносящие кровь цивилизации. Сообщества, пронизанные сетями таких капилляров, легко становились героями нарративов друг друга, даже если и не соглашались друг с другом в том, кто в этих историях хороший, а кто плохой.

Вот почему Средиземноморский и Средний миры со-

здали различные нарративы мировой истории. У людей, живших вокруг Средиземного моря, были основательные причины считать центром мировой истории себя; однако у тех, кто жил в Срединном мире, было не меньше причин думать, что это они стоят в центре и у начала всего.

Эти две мировые истории пересекались на узкой полоске территории, где сейчас находятся Израиль, Ливан, Сирия, Иордания – короче говоря, где сейчас множество проблем. Это был восточный край мира, очерченного побережьями, и западный край мира, очерченного наземными торговыми путями. С точки зрения Средиземноморья, эта область всегда была частью мировой истории со Средиземным морем в центре. С другой точки зрения, это всегда была часть Срединного мира, центр которого располагался в Персии и в Междуречье. Об этом клочке земли постоянно велись споры – как ведутся и сейчас: какому же миру он принадлежит?

Срединный мир до ислама

Первые цивилизации возникли на берегах больших, медленно текущих рек, склонных к ежегодным разливам. Долина Хуанхэ в Китае, долина Инда в Индии³, долина Нила в Африке – вот места, где около шести тысяч лет назад кочевые охотники и собиратели впервые осели, построили деревни и стали земледельцами.

Быть может, наиболее динамичной «чашкой Петри» ранней человеческой культуры стал плодородный клин земли между Тигром и Евфратом, известный как Месопотамия – название, означающее «Междуречье». Станным образом, эта узкая полоска земли между двумя реками в наше время рассекает почти пополам современный Ирак. Когда мы говорим о «плодородном полумесяце» как «колыбели цивилизации», речь идет об Ираке – отсюда все началось.

От других колыбелей человеческой культуры Месопотамию отделяет одна ключевая географическая черта. Две реки, давшие ей имя, протекают по плоской равнине, открытой со всех сторон. География не предлагает живущим здесь людям естественного укрытия – в отличие, например, от долины Нила, которая с восточной стороны ограничена болота-

---

³ В современных границах Инд течет в основном по Пакистану, а не по Индии. Автор имеет в виду Индию в старых границах Британской Индии. – *Прим. ред. русского перевода.*

ми, с западной – непроходимой Сахарой, а с севера – скалистыми утесами. География создала Египет как единую территорию, однако и снизила его контакты с другими культурами, погрузив в своего рода застой.

Не то в Месопотамии. Здесь с ранних времен установился паттерн, повторявшийся много раз на протяжении тысячи с лишним лет: сложная борьба между кочевниками и обитателями городов, которые постепенно распространялись и создавали империи. Паттерн этот выглядел примерно так.

Оседлые крестьяне строят ирригационные системы, которые поддерживают процветающие деревни и города. Со временем какой-нибудь отважный воин или умелый жрец-организатор (или тот и другой вместе) приводит несколько таких городских центров под свою власть и создает более крупное политическое образование – конфедерацию, царство или империю. Затем является племя грабителей-кочевников, побеждает царя, захватывает всё его достояние, заодно расширяет свою империю. Проходит время: суровые кочевники смягчаются, оседают в городах, превращаются в изнеженных любителей роскоши – точно таких, как те, кого они завоевали; в этот момент появляется новое кочевое племя, завоевывает их и присоединяет к своей империи.

Завоевание, консолидация, расширение, вырождение, завоевание – вот эта схема. Описал ее в XIV веке великий мусульманский историк Ибн Хальдун, основываясь на наблюдениях над миром, в котором жил. Ибн Хальдун чувствовал,

что в этом паттерне ему открылся глубинный пульс истории.

В любой момент времени этот процесс идет более чем в одном месте: одна империя развивается здесь, другая расширяется там, наконец они сталкиваются друг с другом, начинается борьба, и одна завоевывает другую, положив начало единой новой, более крупной империи.

Примерно пятьдесят пять веков назад десяток или около того городов на Евфрате объединились в единую сеть, названную Шумер. Здесь были изобретены письменность, колесо, телега, гончарный круг и ранняя система счисления. Затем Шумер завоевали аккадцы, народ поглубее с верховьев реки. Их вождь Саргон – первый в истории завоеватель, известный по имени – судя по всем сообщениям, был человеком жестоким и волевым, из тех, кто «сам себя сделал»: при рождении он был беден и никому не известен, но оставил записи о своих деяниях на глиняных табличках, покрытых клинописью. Деяния его описаны там скупо и довольно однообразно: «Поднялся такой-то – и я сокрушил его; поднялся сякой-то – я и его сокрушил».

Саргон довел свои войска до морского берега, где они омыли свои копыя в море, а затем сказал: «Всякий царь, который захочет назвать себя равным мне, пусть дойдет туда же, куда я дошел!» – или, говоря попросту: «Посмотрим, сможет ли кто-нибудь другой завоевать столько же, сколько я!»⁴ Его империя была меньше штата Нью-Джерси.

---

⁴ См.: Georges Roux, *Ancient Iraq* (New York: Penguin, 1980), с. 148.

Со временем новая волна грабителей-кочевников спустилась с нагорий и завоевала Аккад; их завоевали другие, а тех третьи – гутии, касситы, хурриты, амореи – снова и снова повторялся всё тот же паттерн. Присмотревшись внимательно, мы видим, как новые правители сменяют один другого практически на одной и той же территории – и все же эта территория постоянно расширяется.

Амореи совершили в этом цикле решающий шаг: выстроили знаменитый город Вавилон и из этой столицы стали править (первой) Вавилонской империей. Вавилоняне уступили ассирийцам, которые правили из еще более крупного и величественного города Ниневии. Их империя простиралась от Ирака до Египта: представьте себе, какой огромной казалась эта территория во времена, когда у людей не было транспорта быстрее лошади! Ассирийцы получили в истории дурную репутацию безжалостных тиранов. Трудно сказать, действительно ли они были хуже прочих, однако они начали практиковать стратегию, в XX веке печально прославленную Сталиным: срывали с места целые народы и переселяли их на чужие земли, исходя из мысли, что люди, потерявшие свои дома, отрезанные от привычных ресурсов, живущие среди чужеземцев, будут в таком смятении и так несчастны, что не смогут поднять восстание.

Это сработало на некоторое время, но не навсегда. Наконец ассирийцы пали под ударами одного из завоеванных народов, халдеев; те заново отстроили Вавилон и обеспечили

себе почетное место в истории своими интеллектуальными достижениями в астрономии, медицине и математике. Они использовали двенадцатеричную систему счисления (в отличие от нашей десятичной) и стали первопроходцами в измерении и делении времени: поэтому в нашем году двенадцать месяцев, в часе – шестьдесят (пять раз по двенадцать) минут, а в минуте шестьдесят секунд. Они также были прекрасными планировщиками городов и архитекторами: халдейский царь построил в Вавилоне Висячие сады, которые древние называли одним из семи чудес света.

Однако халдеи следовали ассирийской традиции – переселяли целые народы, чтобы удобнее было разделять и владеть. Их царь Навуходоносор первым разрушил Иерусалим и увел в плен евреев. А еще один халдейский царь Вавилонии, Валтасар, пируя однажды вечером у себя во дворце, увидел руку без тела, пишущую на стене огненные слова: «Мене мене текел упарсин».

Прихлебатели царя не смогли разобрать в этой странной надписи ни слова – быть может, потому, что напились до умопомрачения, но еще и потому, что надпись была сделана на незнакомом языке (как выяснилось после, на арамейском). Послали за еврейским пленником Даниилом, и он объяснил, что эти слова означают: «Дни твои исчислены; ты взвешен и найден очень легким; царство твое будет разделено». По крайней мере, так рассказывает ветхозаветная Книга Даниила.

Валтасар не успел даже поразмыслить над этим пророчеством – оно исполнилось почти немедленно. Новая банда с нагорий, союз персов и мидийцев, обрушилась на Вавилон и устроила ему кровавую баню. Эти два индоевропейских племени положили конец Второму Вавилонскому царству и заменили его Персидской империей.

К этому моменту постоянный паттерн всё увеличивающихся империй в сердце Месопотамии подошел к концу или, по крайней мере, оказался поставлен на долгую паузу. Для начала, к тому времени, когда пришли персы, завоевывать оказалось почти и нечего. Обе «колыбели цивилизации», Египет и Месопотамия, как отдельные страны подошли к концу своего существования. Их власть распространилась на запад в Малую Азию, на юг к верховьям Нила, на восток через Иранское нагорье и Афганистан к долине Инда. Утонченные надушенные персы, возможно, не видели смысла в дальнейших завоеваниях: к югу от Инда лежали жаркие и влажные джунгли, к северу от Афганистана – бесплодные степи, продуваемые всеми ветрами, по которым бродили кочевники-тюрки, кое-как живущие разведением скота. Кто захочет править такими местами? Так что персы удовольствовались тем, что выстроили по границам своей империи цепочку крепостей для обороны от варваров – чтобы приличные люди могли упражняться в цивилизованной жизни по благоустроенную сторону забора.

Около 550 года до н. э., когда Междуречьем овладели пер-

сы, большая часть работы по консолидации была уже проделана: в каждом регионе более ранние завоеватели свели различные местные племена и города в единые государственные системы, которыми правил один монарх из центральной столицы: Элама, Ура, Ниневии или Вавилона. Персы воспользовались трудами (и кровопролитиями) своих предшественников.

Однако Персидская империя непохожа на прочие по нескольким причинам. Во-первых, персы были, так сказать, антиассирийцами. Они развили совершенно противоположное представление о том, как править огромной территорией. Вместо того чтобы переселять целые народы, их вернули на законные места. Так, персы освободили из плена евреев и помогли им вернуться в Ханаан. Персидские цари использовали стратегию мультикультурализма, мирного сосуществования множества народов под одной крышей. Свою огромную территорию они контролировали, позволяя различным населяющим ее народам жить по-своему, в соответствии со своими нравами и обычаями, под властью собственных вождей, с тем лишь, чтобы они платили налоги в казну и подчинялись немногочисленным указам и декретам правителя. Позже эту идею переняли мусульмане, и она действовала всю эпоху Османской империи.

Во-вторых, ключом к объединению, а следовательно, и к контролю своих территорий персы считали коммуникации. Они выпустили набор взаимосвязанных и согласован-

ных друг с другом законов о налогообложении и ввели на всей своей территории единую валюту – средство коммуникации в торговле. Выстроили огромную сеть дорог и снабдили их постоянными дворами, чтобы облегчить путешествия. Создали эффективную почтовую систему. Цитата, которую часто связывают с Почтовой службой США: «Ни снег, ни дождь, ни жара, ни мрак ночной не помешают посыльным доставить письмо адресату» – происходит из древней Персии.

Кроме того, персы активно пользовались услугами переводчиков. «Послушайте, офицер, я не знал, что нарушаю закон – я ведь не говорю по-персидски!» – такое объяснение у них бы не прокатило. Переводчики давали царям возможность распространять хвалы своему блеску и величию на разных языках, чтобы ими восхищались все их подданные. Дарий Великий, при котором Персидская империя достигла одной из вершин своего могущества, приказал выбить историю своей жизни на скале в месте под названием Бехистун. Эта надпись была сделана на трех языках: древнеперсидском, эламском и аккадском (ассиро-вавилонском). В пятнадцати тысячах знаков описывала она деяния и победы Дария, рассказывала о мятежниках, которые пытались свергнуть его, но терпели неудачи, и о том, какие казни он на них обрушил, передавая простую мысль: с этим императором связываться не стоит, он тебе запросто отрубит нос или что-нибудь еще похуже! Однако граждане империи в целом

не считали персидское правление жестоким. Хорошо смазанная имперская машина поддерживала порядок и позволяла обычным людям жить обычной жизнью: растить детей, возделывать поля, производить товары.

Ту часть Бехистунской надписи Дария, что написана по-древнеперсидски, можно расшифровать, зная современный персидский язык; поэтому в XIX столетии, когда она была вновь открыта, благодаря ей ученые смогли расшифровать и другие два языка, так что им открылся доступ к клинописным библиотекам древней Месопотамии – библиотекам столь обширным, что благодаря им мы теперь знаем о повседневной жизни в этих краях три тысячи лет назад больше, чем о повседневной жизни в Западной Европе IX века.

Религия пронизывала весь персидский мир. Эта религия не напоминала ни индуизм с его миллионом богов, ни египетский пантеон магических существ получеловеческого, полужвериного облика, ни греческое язычество, согласно которому у любого природного явления имелся свой бог, схожий с человеком и обладающий человеческими слабостями. Нет, в персидской вселенной почетное место занял зороастризм. Зороастр⁵ жил приблизительно за тысячу лет до Христа, быть может, немного раньше или позже – этого никто не знает. Происходил он из северного Ирана, или, быть может, из северного Афганистана, или из земель к востоку

---

⁵ Варианты имени: Заратуштра (наиболее близкий к оригиналу вариант), Заратустра, Зороастр. – *Прим. ред. русского перевода.*

оттуда – это никому не известно тоже. Сам Зороастр никогда не называл себя пророком, носителем божественной энергии или, тем более, божеством. Он считал себя философом и искателем истины. Но его последователи стали называть его святым.

Зороастр проповедовал, что Вселенная разделена на свет и тьму, добро и зло, истину и ложь, жизнь и смерть. На эти противоборствующие лагеря она раскололась в миг творения – и с тех пор в ней идет вечная война, которая продлится до конца времен.

В людях, учил Зороастр, содержатся оба принципа. Они сами свободно выбирают, какому принципу следовать. Выбирая добро, люди поддерживают силы света и жизни. Выбирая зло, придают сил принципам тьмы и смерти. Предопределения в зороастрийской вселенной нет. Исход великой битвы никому заранее не известен; и не только каждый человек свободен в своем моральном выборе, но и каждый моральный выбор влияет на исход космической войны.

Зороастр описывал драму Вселенной, разделенной между двумя божествами – не сотней или тысячей, а всего двумя. Ахурамазда воплощает принцип добра, Ахриман – принцип зла. Символом Ахурамазды служит огонь: поэтому зороастрийцев иногда называют огнепоклонниками, хотя поклоняются они не огню как таковому, а Ахурамазде. Зороастр учил о жизни после смерти, однако подчеркивал, что посмертная жизнь дается добрым людям не в награду за их доб-

родетель, а как следствие выбора этого пути. Можно сказать, что по лестнице своего выбора они поднимаются на небеса. Персидские зороастрийцы отвергали религиозные образы, статуи и картины; на этой основе строится враждебность к религиозному искусству, впоследствии мощно возродившаяся в исламе.

Иногда Зороастр или, по крайней мере, его последователи именовали Ахурамазду «Мудрым Господом» и говорили о нем как о создателе всей Вселенной или о том, кто разделил Вселенную надвое в первые мгновения после творения. Таким образом, дуализм Зороастра клонился к монотеизму, однако так до него и не дошел. В конечном итоге для древних персов-зороастрийцев Вселенную населяли два божества, равные по силе, перетягивающие человечество, словно канат, в своей вечной войне друг с другом.

Зороастрийский жрец именовался магом или волхвом; те «трое мудрецов из Египта», что, согласно христианскому преданию, принесли младенцу Иисусу смирну и ладан, были зороастрийскими жрецами. Отсюда и наше современное «маг»: этих жрецов считали (а порой они рекомендовали себя и сами) обладателями чудотворных сил и способностей.

В последние дни империи персы ворвались в мир Средиземноморья и вписали небольшую, но яркую страницу в западную мировую историю. Персидский царь Дарий отправился на запад, чтобы наказать греков. Я говорю «наказать», а не «подчинить» или «завоевать», поскольку с персидской

точки зрения так называемые греко-персидские войны по сути не были столкновением двух цивилизаций. Персы видели в греках примитивных обитателей городишек на дальнем западном краю цивилизованного мира – городишек, по сути принадлежащих персам, просто слишком далеких, чтобы непосредственно ими управлять. Дарий хотел только, чтобы греки подтвердили, что они его подданные, прислав ему символическое приношение – кувшин воды и ящик земли. Греки отказались. Дарий собрал армию, чтобы преподать грекам урок, которого они никогда не забудут, однако сам размер его войска оказался слабым местом плана: как управлять таким множеством людей на таком расстоянии? Как снабжать их припасами? Дарий презрел первый принцип военной стратегии: не вести в Европе сухопутных войн. В конечном счете, это греки преподали персам незабываемый урок – который те, правда, забыли менее одного поколения спустя, когда сын Дария, тупоумный Ксеркс, решив отомстить за поражение отца, повторил все его ошибки и прибавил к ним собственные. Ксеркс тоже с позором убежал домой; на том европейские приключения персов и закончились.

Впрочем, это была не последняя встреча. Прошло сто пятьдесят лет – и Александр Великий явился в Персию сам. Мы часто слышим, что Александр Великий покорил мир; на самом деле он завоевал Персию – Впрочем, в тогдашних условиях это и был почти «весь мир».

С Александром средиземноморский нарратив властно во-

рвался в нарратив Срединного мира. Александр мечтал слить два мира в один, объединить Европу и Азию. Свою столицу он собирался разместить в Вавилоне. Александр нанес Срединному миру глубокую рану и оставил незаживающий след. Во многих персидских мифах и сказаниях он появляется в виде величайшего героя, хоть и не вполне положительного (но и не полностью отрицательного). Его имя носит множество городов в мусульманском мире. Самый очевидный пример – Александрия, не столь очевидный – Кандагар, сейчас известный тем, что его считает своей столицей Талибан. Кандагар изначально назывался «Искандар» – так произносится имя Александра на Востоке; со временем «Ис» отпало, а «Кандар» превратилось в «Кандагар».

Но рана, нанесенная Александром, закрылась, над ней выросла новая ткань, и впечатление от одиннадцати лет его царствования в Азии поблекло. Однажды ночью в Вавилоне он внезапно умер: от гриппа, малярии, пьянства или от яда – этого никто не знает. В разных частях завоеванной территории он поставил наместниками своих полководцев, и, едва он умер, самые смелые из них объявили земли, которыми управляли, своими, и создали на них царства по эллинистическому образцу, просуществовавшие несколько сотен лет. Например, в Бактрийском царстве (ныне север Афганистана) скульпторы создавали статуи в греческом духе; позднее, когда с севера Индии в Бактрию просочилось буддистское влияние, два стиля в искусстве смешались, образовав так на-

зываемый греко-буддистский стиль.

Со временем, однако, эти царства ослабели, поблекло и греческое влияние, греческий язык вышел из употребления, и на поверхность снова вынырнул персидский субстрат. Явилась новая империя, занявшая почти ту же территорию, что и древняя Персия (хотя и поменьше). Новые правители называли себя парфянами и были искусными воинами. Парфия нерушимой стеной встала на пути у Рима, не позволив ему продвигаться на восток. Парфяне впервые начали использовать в армии катафрактов – всадников в тяжелых металлических доспехах на таких же закованных в доспехи лошадях, очень похожих на тех, что у нас ассоциируются с европейским Средневековьем. Эти парфянские рыцари напоминали ходячие замки. Но ходячие замки неуклюжи и малоподвижны; поэтому у парфян имелись и другие кавалерийские корпуса – легковооруженные, на лошадях без брони. Излюбленной боевой тактикой у них была следующая: в разгар битвы легкая кавалерия вдруг разворачивалась и пускалась прочь, притворяясь, что бежит с поля боя. Армия, с которой они сражались, теряла боевой порядок и бросалась за ними, подбадривая себя криками вроде «Держи их, ребята! Они бегут! Прикончим их!» – но вдруг парфяне разворачивались, обрушивались на эту дезорганизованную толпу и в несколько минут с ней расправлялись. Позднее эту тактику стали называть «парфянской стрелой»; это выражение сохранилось

и до сего дня⁶.

Изначально парфяне были кочевыми скотоводами и охотниками с гор к северо-западу от Персии; однако, приняв контекст старой Персидской империи, сделались неотличимы от персов. (Само их название «парфяне» – возможно, испорченное или диалектное «персы».) Их империя просуществовала несколько столетий, однако не оставила особого следа, поскольку мало интересовалась культурой и искусством, а «ходячие замки» по смерти воинов, в них обитавших, отправлялись в металлолом.

Однако в годы своего могущества парфяне покровительствовали торговле, и в границах их империи свободно передвигались караваны. Парфянскую столицу греки называли Гекатомпил, «сто ворот» – столько дорог сходились там вместе. На базарах в парфянских городах можно было услышать сплетни со всех концов империи и из сопредельных стран: и из греко-буддистских царств на востоке, и от индусов к югу от них, и от китайцев с дальнего востока, и от исчезающих эллинистических царств на западе, и от армян на севере... С римлянами парфяне общались мало, в основном встречались с ними в бою. Кровь цивилизации, сделавшая парфян персами, не пересекла эту границу, так что Средиземноморский и Срединный миры снова разошлись разными дорогами.

---

⁶ Например, выражение «парфянская стрела» использовал Конан Дойль в повести 1886 года «Этюд в багровых тонах».

Примерно в то же время, когда началось правление парфян, в первый раз объединился Китай. В сущности, золотые годы первой китайской династии Хань почти точно совпадают с периодом парфянского владычества. На Западе почти одновременно с началом парфянского господства начали расширять свою империю римляне. В то время, когда Рим впервые победил Карфаген, парфяне взяли Вавилонию. Когда Юлий Цезарь разнес Галлию, власть Парфии в Среднем мире достигла вершины. В 53 году до н. э. парфяне разбили римлян в битве, захватив тридцать четыре тысячи легионеров и убив Красса, который вместе с Цезарем и Помпеем был соправителем Рима. Тридцать лет спустя парфяне нанесли чувствительное поражение Марку Антонию и установили границу между двумя империями по реке Евфрат. Во время рождения Христа парфяне всё ещё продвигались на восток. Распространения христианства они почти не заметили: сами парфяне больше симпатизировали зороастризму, хотя и к нему были довольно равнодушны. Когда христианские миссионеры начали просачиваться на восток, парфяне им не мешали: религия вообще мало их интересовала.

Парфяне всегда жили в феодальной системе, власть в которой распределялась между многими слоями властителей. Со временем их имперская власть растворилась в этом фрагментированном феодализме. В III столетии н. э. один провинциальный мятежник сверг парфянскую власть и стал основателем династии Сасанидов; очень быстро Сасаниды

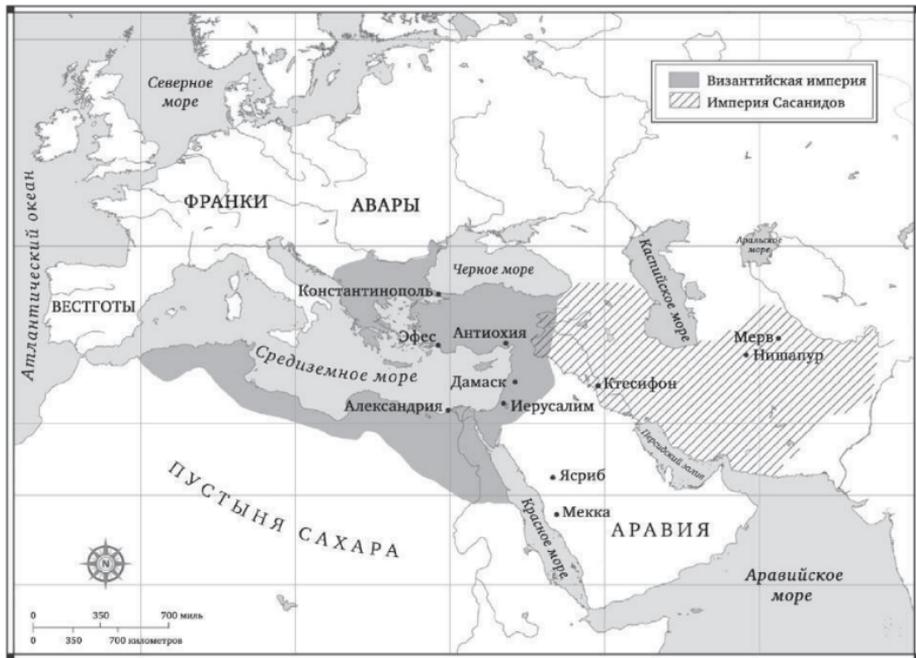
овладели всей территорией, прежде принадлежавшей Парфии, и еще кое-чем сверх того. Направление культурных перемен они не меняли, лишь более эффективно организовали управление империей, стерли последние следы эллинистического влияния и завершили восстановление персидских структур. Они возводили монументальные скульптуры, огромные здания, впечатляющие города. Мощное возрождение пережил зороастризм – огонь и пепел, солнечный свет и тьма, Ахурамазда и Ахриман: он стал государственной религией. На запад шли из Афганистана буддистские монахи со своими проповедями, однако брошенные ими семена не возрастали на почве зороастрийской Персии, так что они повернули на восток: поэтому буддизм распространился в Китае, но не в Европе. К Сасанидскому периоду обращаются бесчисленные персидские сказания и легенды позднейших времен. Величайший из сасанидских царей, Хосров Ануширван, запомнился (персидским рассказчикам) как архетип «справедливого царя»; быть может, в их памяти он слился с Кей-Хосровом, третьим царем мифической первой династии Ирана, своего рода артурианской фигурой – главой персидского Камелота, которому служили самые доблестные воины⁷.

Тем временем Римская империя распадалась. В 293 го-

---

⁷ Персидский поэт XI века Фирдоуси на основе огромного корпуса персидских легенд составил эпическую поэму «Шах-намэ» («Книга царей»), важную роль в которой играет Кей-Хосров Справедливый.

ду император Диоклетиан разделил ее на четыре части ради административных целей: империя стала слишком велика и неповоротлива, чтобы править ею из единого центра. Но реформа Диоклетиана кончилась тем, что империя распалась надвое. Всё ее богатство сосредоточилось на востоке, а западная часть Римской империи начала рушиться. В нее переселялись племена германских кочевников, сокращались государственные службы, разрушались закон и порядок, приходила в упадок торговля. Закрывались школы, западные европейцы всё меньше читали и писали – и постепенно Европа погрузилась в так называемые Темные века. Римские города в Германии, Франции и Британии превратились в руины, общество упростилось и состояло теперь из воинов, священников и зависимых крестьян. Единственным институтом, связывавшим вместе разрозненные островки цивилизации, оставалось христианство, воплощенное в епископе Римском, которого скоро начали называть Папой.

Византийская империя и империя Сасанидов

А восточная часть Римской империи, со столицей в Константинополе, продолжала существовать. Местные жители по-прежнему называли ее Римом, однако для позднейших историков она выглядела как нечто новое, так что задним числом ей дали новое имя: Византийская империя.

Здесь находился центр православного христианства. В отличие от западного христианства, в православии не было фигуры, подобной Папе. В каждом городе со значительным христианским населением имелся свой верховный епископ, митрополит, и все митрополиты были более или менее рав-

ны, хотя епископ Константинопольский и считался «равнее других». Однако над ними всеми стоял император. Западное обучение, технологии, интеллектуальная деятельность сохранились только в Византии. Здесь писатели и художники продолжали создавать книги, картины и другие произведения; однако, став Византийской империей, восточный Рим более или менее исчез из западной истории.

Это утверждение многие оспорят – ведь, в конце концов, Византийская империя была христианской. Ее подданные говорили по-гречески, а ее философы... впрочем, о философах много говорить не стоит. Почти любой образованный западный человек слышал о Сократе, Платоне и Аристотеле, не говоря уже о Софокле, Вергилии, Таците, Перикле, Александре Македонском, Юлии Цезаре, Августе и многих других; но, кроме ученых, специализирующихся на византийской истории, едва ли кто-нибудь сможет назвать трех византийских философов, или двух поэтов, или хоть одного византийского императора после Юстиниана. Византийская империя существовала почти тысячу лет, но вряд ли многие назовут хотя бы пять событий, произошедших в ней за это время.

В сравнении с Древним Римом Византийская империя остается почти неизвестной; однако в своем регионе она была сверхдержавой, прежде всего потому, что не имела себе соперников, и потому, что ее столица, окруженный стенами Константинополь, был, возможно, самым неприступным

городом, известным миру. К середине VI века византийцы правили большей частью Малой Азии и некоторыми частями региона, который мы сейчас называем Восточной Европой. Они противостояли Сасанидской Персии, второй региональной сверхдержаве. Сасаниды владели территорией, растянутой на восток до подножий Гималаев. Между двумя империями лежала полоса спорной территории, земли вдоль средиземноморского побережья, где скрещивались две мировые истории и шла постоянная борьба. А к югу, в тени обеих великих империй, лежал Аравийский полуостров, населенный множеством независимых племен. Такова была политическая конфигурация Срединного мира до рождения ислама.

2. Хиджра

Нулевой год н. Х.

622 год н. э.

В конце VI столетия христианской эры на побережье Аравии процветало множество городов, очагов торговли и коммерции. Арабы скупали товары в портах Красного моря, а затем везли их верблюжьими караванами через пустыню в Сирию и Палестину: так перевозили пряности, ткани и другие товары на продажу. Караваны ходили на север, на юг, на запад и на восток, так что арабы знали всё и о христианском мире и его идеях, и о Зороастре и его идеях. Среди арабов жило множество иудейских племен: они поселились здесь после того, как были изгнаны римлянами из Палестины. И арабы, и евреи были семитами и возводили свое происхождение к Аврааму (а через него к Адаму). Арабы считали, что происходят от Измаила, сына Авраама и его второй жены Агари. Истории, которые обычно связывают с Ветхим Заветом – Адам и Ева, Каин и Авель, Ной и его ковчег, Иосиф в Египте, Моисей и фараон и прочее – были частью и арабской традиции. Хотя большинство арабов в это время были язычниками-политеистами, а иудеи оставались решительными монотеистами, за исключением этого в том, что касалось культуры и образа жизни, эти две группы были практически неразличимы: иудеи в этом регионе говори-

ли по-арабски, и их племенная структура очень напоминала арабскую. Некоторые арабы были кочевниками-бедуинами и жили в пустыне, другие обитали в городах. Мухаммед, Пророк ислама, родился и вырос в космополитическом городе Мекка близ побережья Красного моря.

Жители Мекки торговали всем на свете; но самым крупным и престижным их бизнесом была религия. В Мекке имелись храмы, по меньшей мере, сотни языческих божеств с именами вроде Хубал, Манат, Аллат, аль-Узза или Фальс. В город стремился мощный поток паломников, желавших посетить здесь храмы, исполнить ритуалы, а заодно и подзаработать; так что Мекка обладала развитой туристической инфраструктурой – гостиницами, тавернами, лавками, всевозможными услугами для пилигримов.

Мухаммед родился около 570 года. Точная дата нам неизвестна, поскольку в то время никто не обратил на него особого внимания. Отец его был бедняком и умер, когда Мухаммед был еще во чреве матери, оставив жену буквально без гроша. Затем, когда Мухаммеду было всего шесть лет, умерла и его мать. Хоть он и относился к курайшитам, одному из самых могущественных племен в Мекке, это мало ему помогало, поскольку Мухаммед принадлежал к одному из беднейших кланов этого племени, Бану («дом» или «клан») Хашим. Есть ощущение, что мальчик рос, остро чувствуя себя сиротой без роду, без племени. Впрочем, он не был брошен на произвол судьбы; его взяли на попечение близкие родствен-

ники. Сперва мальчик жил с дедом, а после его смерти – с дядей Абу Талибом, который вырастил его как сына. Однако факт, что в рамках своей культуры мальчик был никем – и за пределами дома дяди, быть может, сталкивался с презрением и пренебрежением, выпадавшим на долю сирот. Детство заронило в нем семя глубокого сострадания к вдовам и сиротам, пронесенного через всю жизнь.

Когда Мухаммеду было двадцать пять, богатая вдова-купчиха по имени Хадиджа наняла его, чтобы он водил ее караваны и вел ее дела. В целом арабское общество было не слишком благосклонно к женщинам, однако Хадиджа унаследовала состояние своего мужа; и то, что ей удалось его сохранить и приумножить, говорит о незаурядном уме и силе духа. Взаимное уважение и привязанность привели Мухаммеда и Хадиджу к браку; их супружеский союз, связанный теплыми чувствами, просуществовал четверть века, до смерти Хадиджи. И хотя Аравия была полигамным обществом и мужчине здесь редко случалось иметь всего одну жену – вплоть до смерти Хадиджи Мухаммед больше не женился.

Как видим, став взрослым, прежний сирота оказался весьма успешен и в деловой, и в личной жизни. Он заработал себе репутацию искусного переговорщика, и спорящие нередко приглашали его рассудить их спор. Однако, приближаясь к сорока годам, Мухаммед начал страдать от того, что мы назвали бы кризисом среднего возраста. Его беспокоил смысл жизни. Оглядываясь вокруг себя, он видел богатое,

процветающее общество; но среди этого всеобщего преуспевания питались скудной милостыней вдовы и голодали сироты. Почему так происходит?

Мухаммед завел привычку время от времени удаляться в пещеру на горе и там предаваться размышлениям. Там однажды и настиг его опыт, точная суть которого остается тайной, поскольку до нас дошли об этом разные истории – быть может, основанные на том, как по-разному рассказывал об этом сам Мухаммед. Установившаяся традиция гласит, что ему явился ангел Гавриил. Согласно одному преданию, Мухаммед рассказывал, что уснул и, проснувшись, обнаружил на себе «шелковое покрывало с какими-то надписями»⁸. По наиболее распространенной версии, это была личная встреча, разговор, произошедший, когда Мухаммед, размышляя в глубокой тьме пещеры, вдруг ощутил чье-то мощное и пугающее присутствие: кто-то еще был в пещере с ним рядом. Вдруг он почувствовал, как кто-то схватил его сзади, да так, что он не мог дышать. А затем раздался голос – голос, который Мухаммед не столько слышал, сколько ощущал всем телом; и он приказал: «Читай!»

Мухаммед как-то сумел выдать из себя, что не умеет.
– Читай! – снова приказал голос.

И снова Мухаммед отвечал, что не умеет, да и не понима-

---

⁸ Согласно отрывку из Табари, приведенному в: *The Inner Journey: Views from the Islamic Tradition*, edited by William Chittick (Sandpoint, Idaho: Morning Light Press, 2007), с. xi.

ет, что читать; но ангел – голос – импульс – вновь прогремел у него в мозгу и в сердце: «Читай!» И Мухаммед ощутил, как в сердце его рождаются слова, исполненные грозного величия, и начал читать:

Читай во имя твоего Господа, Который сотворил всё
сущее,
сотворил человека из сгустка крови.
Читай, ведь твой Господь – Самый великодушный.
Он научил посредством письменной трости —
научил человека тому, чего тот не знал⁹.

Мухаммед спустился с горы, дрожа от страха, думая, что, должно быть, им овладел джинн – злой дух. Выйдя из пещеры, он ощутил присутствие, наполняющее мир до самого горизонта. Согласно некоторым рассказам, он увидел свет, имеющий форму или образ человеческий, но от этого еще более грозный и пугающий. Дома он рассказал о случившемся Хадидже, и та заверила мужа, что он в здравом уме, что ему действительно явился ангел и что он призван служить Богу. «Я верю в тебя», – сказала она. Так Хадиджа стала первой последовательницей Мухаммеда – первой мусульманкой.

Сперва Мухаммед проповедовал лишь близким родственникам и друзьям. Некоторое время новых откровений не бы-

---

⁹ Цитата из Корана приведена по переводу смыслов Корана Э. Р.Кулиева. – Прим. ред. русского перевода.

ло, и это его угнетало: ему казалось, что он потерпел неудачу. Но затем откровения начали являться снова. Постепенно Мухаммед стал рассказывать о своих откровениях всё чаще и всё более открыто, пока наконец не начал проповедовать по всей Мекке: «Есть лишь один Бог, подчинитесь его воле, или будете обречены на ад!» – и уточнял, что значит подчиниться воле Божьей: бросить разврат, пьянство, оставить жестокость и тиранию, уделять внимание бедам кротких и нищих, помогать беднякам, быть справедливыми и, несмотря ни на что, стремиться к высшему благу.

Среди множества храмов в Мекке была одна почитаемая святыня – храм кубической формы, в фундаменте которого был один отполированный черный камень, как говорили, давным-давно упавший с небес, быть может, метеорит. Этот храм назывался Кааба, и в местных преданиях говорилось, что возвел его сам Авраам с помощью своего сына Измаила. Мухаммед считал себя потомком Авраама и знал о его бескомпромиссном единобожии. На самом деле Мухаммед не думал, что учит чему-то новому: он считал, что лишь обновляет то, чему учил Авраам (и бесчисленные другие пророки), поэтому проповедовал в Каабе. Этот храм, говорил он, должен стать единственным в Мекке – храмом Аллаха.

«Аль» – по-арабски определенный артикль, а «лах», стяженная форма от «илах», означает «бог». Итак, Аллах – это просто «Бог». Вот ключевая мысль ислама: Мухаммед говорил не о каком-то «том боге» или «этом боге». Он не гово-

рил: «Верьте в бога, именуемого Лах, ибо он – сильнейший и величайший из богов», не говорил даже, что Лах – единственный истинный бог, а все остальные – ложные. Можно думать нечто подобное и всё равно представлять себе Бога как отдельное существо, обладающее сверхъестественными силами, может быть, кого-то вроде Зевса – могущественное существо, которое наслаждается бессмертием, способно одной рукой поднять сотню верблюдов, и нет на свете второго, подобного ему. Такова будет вера в одного бога. Но Мухаммед предлагал нечто иное и более возвышенное. Он учил: есть один лишь Бог, всё охватывающий, всё включающий в себя, слишком универсальный, чтобы связывать его с какими-то конкретными образами, атрибутами, ограничениями. Есть один лишь Бог, а всё прочее – Его творение: эту весть нес он всем, кто был готов слушать.

Лидеры делового мира Мекки начали ощущать в проповеди Мухаммеда угрозу, поскольку делали хорошие деньги на религиозном туризме; если эта идея единого Бога укоренится, страшились они, поклонники всех иных богов перестанут посещать Мекку, и их бизнес рухнет. (По иронии судьбы, в наше время более миллиона людей приезжают в Мекку каждый год, чтобы поклониться Каабе: этот ритуал стал самым многолюдным ежегодным собранием на земле!)

Кроме того, большие деньги делались в Мекке на выпивке, игорных притонах, проституции и тому подобных развлечениях, и местные коммерсанты не желали терпеть челове-

ка, выступающего против того, что принесло им богатство – пусть у него и была всего горстка последователей, и многие из них ничтожные бедняки или рабы. Впрочем, надо сказать, не все из них были ничтожными бедняками и рабами: были среди них богатые и уважаемые купцы Абу Бакр и Усман, а скоро в их число вошел великан и силач Умар, прежде злейший враг Мухаммеда. Тенденция была тревожная.

На протяжении почти двенадцати лет Абу Талиб, дядя Мухаммеда, защищал его от любой критики. По убеждению большинства мусульман, сам Абу Талиб так и не обратился в ислам, но защищал племянника из личной преданности и любви – и слово его имело вес. Хадиджа также всегда оставалась на стороне мужа, и ее поддержка была для него бесценна. Однако в один ужасный год оба самых дорогих для Мухаммеда человека, дядя и жена, скончались, оставив его беззащитным перед врагами. В этом же году семеро старейшин племени курайшитов решили убить Мухаммеда во сне и так избавиться от смутяна, наносящего ущерб экономике. Возглавил заговор один из нескольких дядей Мухаммеда. В сущности, все семеро заговорщиков приходились Мухаммеду родственниками, но это не смягчило их решимость.

По счастью, Мухаммед вовремя узнал о заговоре и вместе с двумя близкими друзьями придумал, как ему противостоять. Один из этих друзей был его двоюродный брат Али, подросток, которому вскоре предстояло жениться на дочери Мухаммеда Фатиме и стать Пророку зятем. Другой – его

лучший друг Абу Бакр, первый последователь Мухаммеда за пределами семейного круга и ближайший его советчик, которому скоро предстояло стать Мухаммеду тестем.

Пророк уже встречался с посланниками из Ясриба, еще одного города близ побережья Красного моря, в двухстах пятидесяти милях к северу от Мекки. Этот город был не торговым, а скорее сельскохозяйственным – и страдал от постоянных конфликтов, ибо его населяли представители нескольких враждующих племен. Жители Ясриба хотели, чтобы какой-нибудь посторонний человек, честный и справедливый, приехал и стал модератором на переговорах между племенами; они надеялись, что, если уступят такому человеку судебную власть, он сможет принести в город мир. У Мухаммеда была репутация справедливого и умелого модератора, он уже играл подобную роль в нескольких серьезных спорах, так что ясрибцы решили, что этот человек им подойдет. Несколько жителей Ясриба посетили Мекку, чтобы увидеться с Мухаммедом, и были им совершенно очарованы. Они обратились в ислам и пригласили Мухаммеда приехать в Ясриб и стать судьей в их бесконечных спорах, чтобы принести городу мир; и Пророк согласился.

Убийство Мухаммеда было назначено на сентябрьскую ночь в 622 году н. э. Этой ночью Пророк и Абу Бакр бежали в пустыню. Али потихоньку лег в постель Мухаммеда, чтобы казалось, что он все еще здесь. Убийцы, ворвавшись и обнаружив в постели Али, пришли в ярость, однако пощадили

мальчика и отправили за Пророком отряд преследователей. Мухаммед и Абу Бакр успели добраться лишь до пещеры неподалеку от Мекки; однако легенда гласит, что, стоило им туда войти, как паук заплел вход в пещеру своей паутиной. Преследователи, проходя мимо, увидели эту паутину, рассудили, что в пещере никого быть не может, и пошли дальше. Мухаммед и Абу Бакр спокойно добрались до Ясриба, куда к тому времени уже переселились некоторые последователи Мухаммеда, а вскоре к ним присоединились и остальные. Большинство этих переселенцев из Мекки пришлось бросить дома и всё свое достояние, порвать с другими членами племени и даже с собственными семьями, отказавшись обращаться в ислам. Но, по крайней мере, теперь они были в безопасности – и более того, жили в городе, куда их вождя Мухаммеда пригласили для исполнения высшей власти, для того, чтобы стать арбитром в спорах между враждующими племенами.

Верный своему обещанию, Мухаммед сел за стол переговоров между племенами и предложил им заключить договор – так называемый Мединский пакт. В договоре было сказано, что город становится конфедерацией, каждому племени предоставляется право жить по своей вере и обычаям, однако все горожане подчиняются законам, призванным хранить мир. Свои внутренние дела члены племен разбирают сами, согласно своим обычаям, а суд в межплеменных распрях переходит к Мухаммеду. Важнее же всего, что все под-

писавшие договор, как мусульмане, так и немусульмане, поклялись вместе с остальными защищать Медину от внешних врагов. Этот документ называют первой письменной конституцией, хотя в сущности это было, скорее, многостороннее соглашение.

Кроме того, Мухаммед поставил по одному мусульманину из Ясриба наставлять каждую семью мусульман из Мекки и помогать им. Местный должен был принять приезжих у себя дома, помочь им укорениться на новом месте и начать новую жизнь. С тех пор мусульмане из Ясриба начали называться «ансарам», то есть «помощниками».

Изменилось и название города. Ясриб стал Мединой, что означает просто «город» (сокращение от выражения «город пророка»). Переселение мусульман из Мекки в Медину стали называть Хиджра. Дюжину лет спустя, когда мусульмане создали собственный календарь, они начали отсчет времени от этого события, чувствуя, что Хиджра знаменовала собой поворотный пункт истории и их судеб, момент, разделивший все время на «до Хиджры» (д. Х.) и «после Хиджры» (п. Х.).

Некоторые религии отсчитывают свое основание с даты рождения основателя, другие с даты его смерти, третьи – с ключевого момента просветления своего пророка, его главной встречи с Богом. В буддизме, например, исходным считается момент, когда Сиддхартха Гаутама, сидя под деревом бодхи, достиг просветления. Христианство приписывает ключевое религиозное значение смерти и воскресению Хри-

ста (а также его рождению). Ислам, напротив, уделяет рождению Мухаммеда мало внимания. Я вырос мусульманином, но не знал, когда он родился, поскольку в Афганистане эта дата никак специально не отмечалась. В некоторых других странах, как в Египте, этот день отмечается – однако ничего похожего на христианское Рождество, никакого «Рождества Мухаммеда» в исламе нет.

Ночь откровения в пещере для благочестивых мусульман стала священным праздником: ее называют Ночью Силы, Лейлат аль-Кадр, и выпадает она обычно на двадцать седьмой день Рамадана, месяца поста, или близко к нему. Но в историческом календаре мусульман это событие произошло за десять лет до истинного начала новой эры – Хиджры.

Почему же сделался так важен переезд из одного города в другой? Хиджра занимает среди событий мусульманской истории такое почетное место, поскольку знаменует собой рождение мусульманской общины, Уммы, как называют ее в исламе. До Хиджры Мухаммед был проповедником с горсткой последователей. После Хиджры – стал лидером общины, которая обращалась к нему за законодательством, политической властью и общественным руководством. Само слово Хиджра обозначает «разрушение уз». Люди, присоединившиеся к общине в Медине, отказались от прежних племенных обязательств и утвердили свою лояльность этой новой группе: эта община должна была стать альтернативой обществу Мекки времен детства Мухаммеда – так что перед на-

ми не только новая религия, но и масштабный социальный проект.

Этот социальный проект, воплотившийся в Медине после Хиджры, и составляет сущность ислама. Ислам – определенно религия; однако с самого начала (если брать за «начало» Хиджру) он представлял собой и политическую организацию. Верно, ислам объясняет, как быть хорошим человеком; верно, всякий благочестивый мусульманин надеется, выполняя эти рекомендации, попасть на небеса; однако вместо того, чтобы сосредоточиться на индивидуальном спасении, ислам предлагает план создания праведной общины. Отдельные люди «зарабатывают» себе место на небесах, становясь членами этой общины и участвуя в исламском социальном проекте – проекте строительства мира, в котором сироты не будут брошены, а вдовы не будут голодать, скитаться и бояться всего на свете.

Едва Мухаммед стал лидером в Медине, люди начали приходить к нему за советами по всем жизненным вопросам, большим и малым: как воспитывать детей, как правильно мыть руки, какую сделку считать честной, что делать с ворами, и так далее. Вопросы, которые во многих других общинах решало бы множество специалистов – судей, законодателей, политических лидеров, врачей, учителей, полководцев и так далее – здесь оказались в ведении одного-единственного Пророка.

Тексты Корана, полученные Мухаммедом в Мекке, цели-

ком написаны примерно таким языком:

Когда земля содрогнется от сотрясений,
когда земля извергнет свою ношу,
и человек спросит, что же с нею,
в тот день она расскажет свои известия,
потому что Господь твой внушит ей это.
В тот день люди выйдут толпами, чтобы им показали их
деяния.
Тот, кто сделал добро весом в мельчайшую частицу,
увидит его.
И тот, кто сделал зло весом в мельчайшую частицу,
увидит его¹⁰.

Читая стихи, открытые в Медине, можно найти куда более живые, страстные, лирические пассажи; однако есть среди них и такие:

Аллах заповедует вам относительно ваших детей:
мужчине достается доля, равная доле двух женщин.
Если все дети являются женщинами числом более двух,
то им принадлежит две трети того, что он оставил. Если
же есть всего одна дочь, то ей принадлежит половина.
Каждому из родителей принадлежит одна шестая того,
что он оставил, если у него есть ребенок. Если же
у него нет ребенка, то ему наследуют родители, и
матери достается одна треть. Если же у него есть братья,

---

¹⁰ Эта и последующая цитаты из Корана приведены по переводу смыслов Корана Э. Р. Кулиева. – *Прим. ред. русского перевода.*

то матери достается одна шестая. Таков расчет после вычета по завещанию, которое он завещал, или выплаты долга. Ваши родители и ваши дети – вы не знаете, кто из них ближе и приносит вам больше пользы. Таково предписание Аллаха. Воистину, Аллах – Знающий, Мудрый.

Законодательство – новая тема и новый жанр, появившийся у мусульман в Медине.

После Хиджры арабы в Медине постепенно обратились в ислам, однако три иудейских племени, живших в городе, в основном противились обращению, и со временем между ними и мусульманами начались трения. Среди арабов тоже встречались недоброжелатели Мухаммеда – в основном те, кого он отодвинул от власти, хоть они и тщательно скрывали свои чувства.

Тем временем племя курайшитов не прекратило своих попыток убить Мухаммеда, хоть он и жил теперь в двухстах пятидесяти милях от них. Вожди курайшитов не только назначили за голову Мухаммеда огромную награду в сотню верблюдов, но и стремились стереть с лица земли всю его общину. Богатейшие купцы Мекки отправили в путь караваны, чтобы профинансировать нападение на Медину. В ответ Мухаммед со своими мусульманами начал нападать на эти караваны (это помогло разрешить еще одну проблему, с которой столкнулись эмигранты из Мекки: чем поддержать себя теперь, когда они потеряли работу и всё свое добро).

Через год таких рейдов мекканцы решили повысить ставки. Тысяча жителей Мекки, вооружившись, отправились в поход, чтобы покончить с этими выскочками. Мусульмане встретили их в месте, называемом Бадр, силами всего трехсот человек – и одержали решительную победу. Коран говорит о битве при Бадре как о доказательстве, что исход любого боя, каковы бы ни были силы противников, решает Аллах.

До Бадра некоторые бедуинские племена находились на службе у мекканских купцов в качестве телохранителей. После Бадра эти племена начали переходить на сторону их противника. Растущая сплоченность мусульманской общины в Медине стала тревожить иудейские племена. Одно из трех племен отказалось соблюдать Мединский пакт и попыталось поднять против Мухаммеда восстание, чтобы вернуть прежние порядки – однако это восстание потерпело неудачу, и племя было изгнано из Медины.

Наконец курайшиты действительно стали серьезной причиной для беспокойства. Казалось, они стремились не столько уничтожить Мухаммеда, сколько поглубже закопать себя. В 3 году п. Х. они решили победить мусульман, воспользовавшись пока сохраняющимся численным превосходством. Свою армию они увеличили втрое: теперь на Медину двинулись три тысячи человек. Мусульмане же смогли набрать всего девятьсот пятьдесят воинов. Снова соотношение три к одному – но важно ли это после Бадра? Важно лишь одно: Аллах на их стороне.

Вторая из трех прославленных битв ислама состоялась в местечке под названием Ухуд. Поначалу казалось, что мусульмане снова побеждают; однако, когда мекканцы начали отступать, несколько мусульман нарушили прямой приказ Мухаммеда – вышли из строя и в беспорядке бросились бежать через поле, преследуя отступающих, чтобы не упустить свою долю военной добычи. Но тут мекканцы, под командованием Халида ибн аль-Валида, военного гения, который позже обратился в ислам и стал одним из ведущих полководцев Уммы, ударили с тыла! При Ухуде сам Пророк был ранен, семьдесят мусульман убиты, а из оставшихся многие бежали. Умма не погибла, но битва окончилась серьезным и болезненным поражением.

Эти первые сражения в исламской истории, по обычным историческим масштабам, были так ничтожны, что их даже трудно назвать битвами. Однако каждая из них включена в мусульманское богословие и наделена своим значением. Так, битва при Бадре показала, что исход сражения определяют не материальные факторы, а воля Аллаха. Но битва при Ухуде поставила перед мусульманами тяжелый богословский вопрос. Если Бадр показал мощь Аллаха – что показал Ухуд? Что Аллах тоже иногда проигрывает? Что Он вовсе не всемогущ, как учит о нем Мухаммед?

Но нет, Мухаммед обрел в поражении совсем иную мораль. Аллах, объяснил он, на этот раз позволил мусульманам проиграть, чтобы преподать им урок. Мусульмане, сообще-

ство праведников земных, призваны сражаться за правое дело. Вместо этого при Ухуде они забыли о своей миссии и бросились за добычей, презрев прямой приказ Пророка – и так утратили расположение Аллаха. Божественная поддержка не дается по умолчанию: мусульмане должны заслужить расположение Аллаха, делая то, что им заповедано, и подчиняясь Его воле. Такое объяснение поражений стало образцом, к которому мусульмане часто обращались и в последующие годы, например, после монгольского «холокоста» XIII века, когда кочевники-захватчики из Центральной Азии овладели большей частью мусульманского мира, а также в ответ на господство Запада, которое началось в XVIII веке и длится по сей день.

Следующее свое нападение курайшиты планировали два года. Призвав на помощь союзников из других племен, они собрали армию в десять тысяч человек – для того времени и места цифра неправдоподобно огромная. Услышав о том, что эти силы движутся на Медину, Мухаммед приказал мусульманам окружить город рвом. Курайшиты прибыли на верблюдах, которые не могли перебраться через ров. Тогда, разъярившись, они решили взять Медину в осаду и уморить горожан голодом.

Однако оборонительная стратегия сорвала секретный план, на который полагались курайшиты. После злосчастной битвы при Ухуде выяснилось, что с мекканцами сотрудничает еще одно иудейское племя. Как и первое, оно было осуж-

дено и отправлено в изгнание. Третье племя, Бану Курайза, объявило о своей верности Мединскому пакту. Но теперь, в ходе Битвы у рва, его вожди тайно сговорились с курайшитами и пообещали напасть на мусульман с тыла, пока силы мекканцев будут атаковать их с фронта.

Но лобовой атаки так и не произошло, и в конце концов заговорщики из Медины потеряли терпение. Тем временем и осаждающие силы начали разваливаться: ведь они представляли собой союз племен, большая часть которых не враждовала с мусульманами и согласилась участвовать в войне лишь из благорасположения к своим союзникам-курайшитам. Битвы всё не было, и они начинали нервничать. Когда случился ураган – бедствие, в этих краях нередкое – иные племена рассеялись, а затем и сами курайшиты снялись с места и отправились домой.

В результате Бану Курайза оказались в тяжелом положении. Их заговор был раскрыт, а союзники разошлись по домам. Мухаммед отдал под суд всё племя, назначив судьей одного из своих последователей, когда-то призвавших его в Медину. Суд признал племя виновным, и судья провозгласил, что вина их – в измене, а наказание за измену – смерть. Некоторые наблюдатели возражали против такого приговора, но Мухаммед его одобрил, и около восьмисот мужчин-иудеев были казнены на площади, а женщины и дети их племени отправлены в изгнание, к племенам, изгнанным ранее.

Вся эта драма глубоко поразила Аравию. Суд над Бану Курайза и их казнь показали, что мединские мусульмане не шутят. В строго военном смысле Битва у рва окончилась вничью; но курайшиты с такой помпой шли на войну, так гордились своей силой в десять тысяч воинов, что отсутствие победы для них стало равнозначно поражению – и это поражение внесло свой вклад в растущий миф о непобедимости мусульман, создающий впечатление, что перед нами не просто еще одно сильное племя, но нечто странное, доселе неслыханное. Мусульмане вели совершенно иную жизнь, исполняли собственные религиозные ритуалы; у них был вождь, который, если возникали какие-то проблемы, входил в транс и передавал советы, полученные, как он говорил, от сверхъестественного помощника, столь могущественного, что с ним мусульмане не боялись вступать в бой с армией, втрое их превосходящей.

Кто же был этот помощник?

Поначалу, быть может, многие необращенные думали: «Это какой-то могущественный бог». Но постепенно до них доходила главная мысль ислама: не «какой-то», а один-единственный Бог, единственно возможный. И что, если Мухаммед говорит о себе правду – если он действительно единственный человек, находящийся «на прямой связи» с творцом вселенной?

Найти кого-то, кто согласится убить этого человека, становилось всё труднее. Трудно было отыскать и воинов, гото-

вых сражаться с его силами. После Битвы у рва ручеек обращений в ислам превратился в мощный поток. Легко предположить, что люди обращались из эгоистических побуждений, желая быть на стороне победителя. Но мусульмане считают, что дело было в чем-то большем. В присутствии Мухаммеда, верят они, люди переживали религиозный опыт.

Мухаммед никогда не претендовал на обладание сверхъестественными способностями. Не говорил, что способен оживлять мертвых, ходить по воде или возвращать зрение слепым. Он утверждал лишь одно: его устами говорит Бог – хотя отнюдь не всякое слово из его уст есть слово Божье. Иногда устами Мухаммеда говорил только сам Мухаммед. Как же люди должны были понимать, где Бог, а где Мухаммед?

По-видимому, в то время это было очевидно. Сейчас мусульмане при чтении Корана используют особый способ произношения, называемый кираат. Звук этот непохож ни на какие другие звуки, производимые человеческим голосом. Он музыкален, произносится медленно и нараспев, но это не пение. Он вызывает сильные чувства даже у тех, кто не понимает слов. Каждый, кто исполняет кираат, делает это по-своему, но каждое прочтение ощущается как подражание, или воспроизведение, или истолкование некоего мощного подлинника. Когда Коран излагал Мухаммед – должно быть, он делал это именно таким голосом, эмоциональным и проникновенным. Слыша Коран от Мухаммеда, люди не только

слушали слова, но и воспринимали их эмоциональную силу. Возможно, поэтому мусульмане настаивают на том, что ни один перевод Корана Кораном не является. Истинный Коран неразделим: в нем важны не только слова и их значения, но и сами звуки, и даже внешний вид букв, которыми записан Коран в своей изначальной форме. Мусульмане полагают, что силой, обращавшей людей в ислам, был не сам Мухаммед, а ниспосылаемый через него Коран.

Еще один фактор привлекал людей в общину и побуждал верить утверждениям Мухаммеда. В этой части света постоянно шли военные стычки – как, по-видимому, и в любом месте, населенном небольшими кочевыми племенами, торгующая между которыми легко смешивается с разбойничьими набегами и переходит в набеги (то же можно сказать о лесах востока Северной Америки до Колумба, или о Великих Равнинах вскоре после него). Добавьте к этому арабскую традицию кровной мести, передающейся из поколения в поколение, добавьте сложный узор нестойких племенных союзов, которыми была отмечена история полуострова в то время – и получите мир, сочащийся непрерывным взаимным насилием.

Везде, где побеждал Мухаммед, он наставлял людей жить друг с другом в мире, и новообращенные выполняли это требование. Он вовсе не призывал мусульман отказаться от насилия как такового: исламская община, не колеблясь, защищала себя. Мусульмане по-прежнему вели войны, но не друг

с другом; свою агрессивную энергию они выплескивали на «внешних», угрожающих их существованию. Те, кто присоединялся к Умме, сразу входили и в Дар-аль-Ислам, что означает «область повиновения (Богу)», но подразумевает также и «область мира». Все прочие жили в Дар-аль-Харб, области войны. Но тем, кто присоединился к Умме, больше не приходилось опасаться удара в спину – по крайней мере, от собратьев-мусульман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.